

КТО НЕ ПОНИМАЕТ, ПУСТЬ МОЛЧИТ ИЛИ УЧИТСЯ.

ОГОНЬ

ВОЗДУХ

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ МОНАДА
ДЖОНА ДИ, ЛОНДОНЦА,
ПОСВЯЩАЕТСЯ
МАКСИМИЛИАНУ, БОЖЬЕЮ МИЛОСТЬЮ
ИМПЕРАТОРУ РИМЛЯН, КОРОЛЮ БОГЕМИИ И ВЕНГРИИ
МУДРЕЙШЕМУ ВЛАДЫКЕ.

ОТ РОСЫ НЕБЕСНОЙ И ОТ ТУЧНОСТИ ЗЕМЛИ ДА ДАСТ ТЕБЕ БОГ. БЫТ, 27.

ГИЛЬЕЛМ СИЛЬВИЙ, КОРОЛЕВСКИЙ ТИПОГРАФ, АНТВЕРПЕН, 1564.

John Dee

Иероглифическая Монада

Оглавление

Преславному королю Максимилиану, его
высочайшему величеству,

Типографу Гильому Сильвию:

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ МОНАДА:

ТЕОРЕМА I.

ТЕОРЕМА II.

ТЕОРЕМА III.

ТЕОРЕМА IIII.

ТЕОР. V.

ТЕОР. VI.

ТЕОР. VII.

ТЕОР. VIII.

ТЕОР. IX.

ТЕОР. X.

ТЕОР. XI.

ТЕОР. XII.

ТЕОР. XIII.

ТЕОР. XIII.

ТЕОР. XV.

ПРИМЕЧАНИЕ.

ТЕОР. XVI.

ТЕОР. XVII.

ТЕОР. XVIII.

ТЕОР. XIX.

ТЕОР. XX.

ТЕОР. XXI.

ТЕОР. XXII.

Следствие.

ТЕОР. XXIII.

Наш канон метатезиса.

ТЕОР. XXIV.

Преславному королю Максимилиану, его высочайшему величеству,

Иоанн Ди, лондонец,

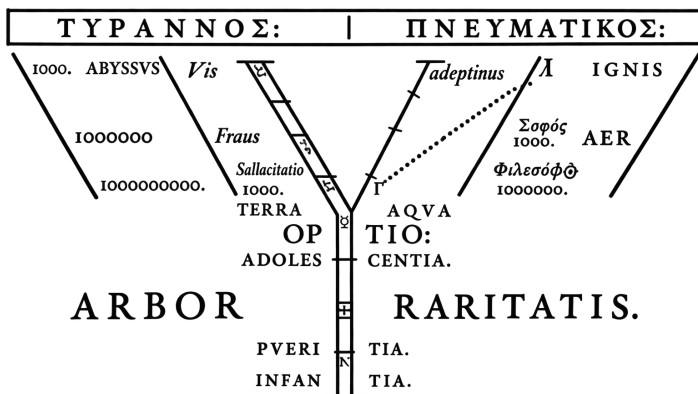
желает счастливейшего правления.

Какие две причины способны побудить человека моего положения одарить столь малым даром столь великого короля — обе они ныне и подвигли меня на это. Это, разумеется, моя величайшая преданность вашему величеству, а также свойства самого дара, пусть и малого: и великая его редкость, и достоинство, которым никак нельзя пренебрегать. Преданность вам, вечную, пробудили и скрепили ваши дивные добродетели; они столь велики, что те, кто не увидел их собственными глазами, поверят о них другим лишь умеренно, хотя рассказывают о вещах редчайших, пусть и вернейших. Но те, кто, будучи при вас, прилежно и внимательно их созерцал, признаются, что страдают величайшей скудостью и бедностью слова и речи, как только захотят красноречиво распространиться обо всём их величии. Причины этого, вполне ясные и многообразно

проверенные, я сам, как очевидец и свидетель, познал в прошлом сентябре, когда некоторое время пробыл в Пожони, в вашем Венгерском королевстве.

Что же до редкости дара (самого по себе малого по объёму), о которой я хотел бы сказать как можно меньшим числом слов, то мне, напряжённо ищущему всеми усилиями ума, на мысль пришёл двойной путь человеческой жизни, расходящийся в разные стороны (один из них избирает почти каждый), который следует рассмотреть вот так. Как только завершён круг младенчества и отрочества, юношей начинает мучить выбор того рода жизни, который они изберут далее; тогда, немного поколебавшись в суждении на распутье, они наконец решают: либо (одни, плененные любовью к истине и добродетели) напрямч все силы для занятий философией на всём остальном протяжении жизни, либо (другие, запутавшиеся в мирских соблазнах или пылающие жаждой богатств) вести изнеженную и корыстную жизнь и всеми способами о том заботливо трудиться. Таких, как эти, ты, конечно, легко найдёшь тысячи; а из тех (то есть искреннее трудящихся над философией) едва ли укажешь одного, кто вкусил хотя бы первые и истинные основания физики. Что же до того, кто глубже и

полнее исследовал причины небесных сил и действий и возникновения, состояния и гибели прочих вещей, то и один на тысячу из тех, кто всецело обратился к занятиям мудростью, не может быть представлен Республикой словесности. Что же сказать о том, кто, преодолев все эти трудности, устремился к созерцанию и постижению сверхнебесных сил и метафизических влияний? ГДЕ во всём круге земель (в наши столь прискорбные времена) мы надеемся найти хотя бы ОДНОГО такого великодушного ГЕРОЯ? Ибо по ходу нашей прежней (отнюдь не опрометчиво принятой) ТЫСЯЧНОЙ пропорции: ИЗ СТА МИРИАД ИСКРЕННЕ ФИЛОСОФСТВУЮЩИХ, А ИЗ СМЕШАННОГО УДЕЛА ЛЮДЕЙ — ИЗ СТА ТЫСЯЧ МИРИАД, МЫ ДОЛЖНЫ ЖДАТЬ ЭТОГО ЕДИНСТВЕННОГО СЧАСТЛИВЕЙШЕГО ПЛОДА. Иероглифический образ этой доказанной таким образом РЕДКОСТИ мы изобразим на так называемой Пифагоровой букве. Там, когда ваше превосходительство взглянется внимательнее, ему, как видно, откроются тайны более высокие (достойные размышления), описанные нами таким образом в КОСМОПОЛИТИЧЕСКИХ теориях.

На какой же ступени этой тройной (философски истолкованной) редкости (милостивейший король) я хотел бы, чтобы этот мой дар был и почитался, вы и сами, кто превосходите знанием величайших искусств и сокровеннейших вещей и изобилуете им, легко можете догадаться. Но что я поместил его на низшую и первую ступень философствования, не считаю сделанным мной по дерзости. Хотя порой и кажется, что с земли хочется поднять голову выше, но и от этой ступени БЛАГОСТИ я осмеливаюсь обещать вашему высочеству обильные плоды, какие следует ожидать от этого моего дара. И этой редкостью наделён сей наш дар: он написан таким родом письма, до самой последней нити речи, что

ни о каком законченном труде такого рода до сего дня я не мог ни услышать, ни узнать из памятников предков.

Хотя я и называю его иероглифическим, но тот, кто исследует его глубже, признает, что в нём заключены и свет, и словно бы математическая сила; а то, что я делаю это в столь редких вещах, достаточно редко, как видно. Разве не редко это, прошу, что астрономические, общепринятые знаки планет (до этого часа бывшие нотами мёртвыми, или немymi, или по меньшей мере словно варварскими) уже ныне исполнены бессмертной жизни и на каждом языке и в каждом народе способны красноречивейшим образом раскрывать собственные силы? К этому прибавляется и другое, весьма редкое: их внешние тела возвращены и восстановлены к своим мистическим (с помощью наилучших иероглифических доводов) соразмерностям; словно они были такими некогда, в прежнем веке, или такими пожелали бы их видеть наши предки. Столь новым и счастливым успехом, как мы пытались сделать то же в знаках додекатеморий эклиптики, и увидеть это — насколько редко, настолько же и совершенно ново. А всё это заключить в одном-единственном, и притом

знаке Меркурия, Курия, иероглифическом (снабжённом неким остриём), — это редчайшее из всего. Поистине, он может быть назван для нас восстановителем и обновителем всей астрономии, и вестником нашего ИЕГОВЫ в этом роде: чтобы мы первыми создали это священное искусство письма как НОВОЕ либо, поскольку оно совсем угасло и изгладилось из всякой памяти людей, вернули его к жизни его наставлениями. И это сделано нами таким образом, что все те иероглифические истолкования предстают сами собой, спокойнейшим образом и словно по собственной воле: во всём этом сочинении не может показаться ничего насильственного или словно бы неуместного.

И это, таким образом, ЛОНДОНСКОЙ нашей ПЕЧАТЬЮ ГЕРМЕСА (ради вечной памяти людей) скрепляется так, чтобы в ней не было ни одной лишней точки и чтобы для обозначения сказанного (и гораздо большего) не недоставало ни одной точки; все будут вынуждены признать это в высшей степени редким. Но прежде прочих — те, кто в более глубоких разысканиях философии и мудрости может объявить своё имя. Ибо так засвидетельствуют грамматики, видя, что здесь им напоминают о необходимости

давать отчёт о формах букв, их положении, местах в алфавитном порядке, различных связях, числовом значении и многом другом (что следует рассматривать в первичных алфавитах трёх языков). Как и в другом месте, столь же редок грамматик, КОТОРЫЙ мог бы точно доказать, что грамматика ЕДИНАЯ есть наука, изучаемая у ОДНОГО человека, сколь редок и тот, кого мы выше показали на земле редчайшим: об этом мы некогда рассуждали в защитительном сочинении. Но мне известно об этом столько тайн, имеющих прочнейшие заложенные основания (как в самом грамматическом искусстве, так и в тех тайнах, что извлекаются с его помощью) в священнейших Писаниях ВСЕМОГУЩЕГО БОГА, что я не смог бы изложить их и в большой книге; да и это место, как видно, уже не требует этого. И не удивляйся, о славный король римлян, что я мимоходом говорю теперь, будто алфавитная письменность содержит великие тайны: ведь САМ, кто ЕДИНСТВЕННЫЙ есть творец всех тайн, уподобил СЕБЯ первой и последней букве. (Что должно быть понято не только в греческом языке, но и в еврейском, и в латинском; это можно показать разными путями из этого искусства.) О, сколь велики должны быть тогда тайны промежуточных! И неудивительно, что это

так обстоит с буквами: ведь всё видимое и НЕВИДИМОЕ, явное и сокровеннейшее (по природе или искусству), исходящее от самого Бога, должно быть нами исследовано тщательнейшим изысканием, чтобы возвещать и славить Его БЛАГОСТЬ, МУДРОСТЬ и МОГУЩЕСТВО. Потому Павел говорил, что РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ лишён всякого оправдания, даже если бы он не имел об этом никакого иного письменного свидетельства, кроме того, что от СОТВОРЕНИЯ самим Перстом БОЖИИМ начертано во всех тварях. Но сейчас я не об этом: не то чтобы я стремился требовать этого от всех грамматиков, но хочу, чтобы сами те, кто трудится над извлечением скрытых тайн вещей, и засвидетельствовали, что мы показали некий РЕДКИЙ в этом роде пример (из нашей МОНАДЫ), и были дружески предупреждены: первые и мистические буквы евреев, греков и римлян произошли от одного лишь Бога и переданы смертным (что бы ни твердила человеческая гордыня), а начертания всех их возникли из точек, прямых линий и окружностей кругов (расположенных удивительным и премудрейшим искусством). И хотя вечная Премудрость нашего Небесного Отца учила нас, что весь смысл Моисеева Закона должен рассматриваться вплоть до

исполнения всех йот и черт — словно в IOD и Chireck (из которых возникают все еврейские буквы и гласные) сводится после анализа последнее законное рассмотрение, — нам, однако, это не противоречит: при неподвижно пребывающем единстве черты CHIRECK мы объемлем ТРОИЦУ СОСУЩНЫХ МОНАД, ВИДИМУЮ В ЕДИНСТВЕ САМОГО IOD, образованную ОДНОЙ ПРЯМОЙ НИСХОДЯЩЕЙ ЛИНИЕЙ И ДВУМЯ РАЗНЫМИ ЧАСТЯМИ ОКРУЖНОСТИ; отсюда довольно ясно и тем же трудом мы обнаруживаем, что первые люди не могли без вернейшего дуновения Божественного Присутствия создать столь изумительное строение еврейских букв и некудот из столь мистических начал. Хотя это самое малое из того, что взвешивается суждениями обычных грамматиков, однако, когда мудрые должным образом рассматривают, как они приспособляются ко всякому порождению букв и некудот и с каким удивительным искусством, они (в совершеннейшей аналогии) научают их величайшим и многочисленным тайнам. Но оставив так этих философов букв и языка, я приведу своих МАТЕМАТИКОВ как искреннейших свидетелей редкости нашего дара. АРИФМЕТИК (не говорю — ЛОГИСТ) разве не удивится, что свои числа, которые

он, отвлечённые от телесных вещей и свободные от всего чувственного, скрывал в тайниках рассудка и там обрабатывал различными действиями ума, здесь, в нашем труде, показаны и становятся как бы конкретными и телесными, и что их души и формальные жизни отделяются от них для наших нужд? Разве не удивится он ещё более, увидев столь великий плод МОНАДЫ, к которому не прибавляется никакая другая монада или число сложением и который нельзя привлечь извне для умножения её самой? Разве не придёт он в величайшее изумление от тончайшего и общего правила вещи и ценза: что ЦЕНЗ самой ОДНОЙ ВЕЩИ, предложенной как бы в виде хаоса (пригодной для разрешения любого арифметического сомнения), и значение, или оценка (силы, скрытой в самой ВЕЩИ), здесь при первом же рассмотрении раскрывается ДЕСЯТЕРИЧНЫМ числом, если прежде посредством тщательных действий деления и уравнивания (или как предписывает это искусство)? ГЕОМЕТР (мой король) начнёт колебаться, достаточно ли полно ему известны начала собственного искусства (что весьма удивительно), когда поймёт, что здесь тайно шепчут и его собственное: что КВАДРАТУ круговое совершенно РАВНОЕ даётся тайной этой

Иероглифической МОНАДЫ. И что так называемые ПОТЫ Архимеда здесь могут быть вознаграждены превосходнейшим плодом, хотя он сам и не достиг испытанной им задачи. В великих делах довольно и желания. МУЗЫКАНТ — каким изумлением он может быть по справедливейшему праву охвачен, когда без движения и звука поймёт здесь неизъяснимые и небесные ГАРМОНИИ? И АСТРОНОМ — разве не пожалеет он более всего о перенесённых под открытым небом холодах, бдениях и трудах, когда здесь, не претерпевая никакого вреда от воздуха, под крышей, при закрытых со всех сторон окнах и дверях, на любое заданное время он сможет точнейшим образом наблюдать глазами обращения небесных тел? И притом без каких-либо механических орудий, сделанных из дерева или меди? И ПЕРСПЕКТИВИСТ осудит тупость своего ума: он, чтобы по линии параболического сечения конуса (надлежаще вращаемой по кругу) сделать зеркало, трудился всеми способами, дабы любую предложенную (подверженную огню) материю терзать невероятным жаром солнечных лучей; тогда как здесь из тригонального сечения тетраэдра выставляется линия, по круговой форме которой можно сделать зеркало, которое (даже когда облака

скрывают солнце) любые камни или металлы может силой жара (поистине величайшего) обратить как бы в неосязаемые порошки. И тот, кто всю жизнь трудился над тонким умозрением о ВЕСАХ, как хорошо он сочтёт помещёнными свои труды и расходы, когда здесь достовернейшим опытом наставление нашей МОНАДЫ научит, что стихия Земли может плавать поверх Воды? Точно так же те, кто тщательнейше обсуждал основания ПОЛНОТЫ и ПУСТОТЫ (предмет, спорный с самой колыбели философии) и увидели, что по этому закону и (словно нерасторжимой) связи природы поверхности ближайших стихий (Богом Всеблагим Величайшим) согласованы, соединены и сопряжены, так что, направляя и толкая огонь, воздух и воду вверх, вниз, сюда, туда (по своему замыслу), они могут весьма уверенно показывать людям чудеса (и эти изобретения, конечно, различными способами полезны государству: как показывает всё гидравлическое искусство и прочие Героновы чудодейственные устройства — так их теперь угодно называть). Но чтобы какая-либо машина могла поднять стихию Земли вверх, в Огонь, через Воду, — этого никто из этой профессии за собой не признает. Однако теории нашей

МОНАДЫ доказывают, что это возможно. О мудрейший король, сложите это в сокровеннейших сокровищницах вашего ума и памяти.

Теперь перехожу к КАББАЛИСТУ еврею. Он, когда увидит, что его (так называемая) геометрия, нотарикон и цируф (как бы три главных ключа его искусства) применяются за пределами Святого, так называемого, языка, более того, что отовсюду (из всего встречного, видимого и невидимого) собираются знаки и начертания этого мистического предания, (полученного от Бога), тогда и это искусство назовёт СВЯТЫМ: (принуждённый истиной, если поймёт) или признает, что не только иудеев, но всех народов, племён и языков, воистину без лицепрятия, один и тот же есть БОГ Благожелательнейший, и что никакой смертный не может оправдаться незнанием этого нашего Святого языка. Каковую я в наших «Афоризмах к парижанам» назвал РЕАЛЬНОЙ КАББАЛОЙ, или тоў ѓнтоס; а ту другую, обыденную, называю каббалистической ГРАММАТИКОЙ, или тоў λεγομένη, которая опирается на известные буквы, пишущиеся человеком. Эта же, что рождена для нас законом творения (как намекает Павел), РЕАЛЬНАЯ КАББАЛА, есть и некая более божественная

грамматика: ведь она изобретательница новых искусств и вернейшая истолковательница самых сокровенных, так что другие впредь смогут пробовать это по нашему примеру. Ты не ужаснёшься, хорошо знаю, (О КОРОЛЬ), хотя я и осмеливаюсь ныне в твоём царском присутствии предложить эту МАГИЧЕСКУЮ притчу: некое земное тело, наша эта Иероглифическая Монада, скрытое в Центре Центра, обладает; которое, как должно быть ПРИВЕДЕНО В ДЕЙСТВИЕ божественной силой, она сама учит без слов; с ним, уже приведённым в действие, должно СОЧЕТАТЬСЯ (вечным браком) генетическое влияние Луны и Солнца, хотя прежде, на небе или в другом месте, они были совершеннейшим образом ОТДЕЛЕНЫ ОТ ТОГО ЖЕ тела. Когда это (по воле Бога) стало Гамеей (как я истолковал парижанам τῆς γαμῆς αἴα: то есть Земля брака, или земной знак влиятельного супружества), на своей родной земле она не может далее питаться или орошаться, пока не завершится ЧЕТВЁРТОЕ великое и поистине метафизическое обращение. По окончании этого движения тот, кто питал, первым сам перейдёт в МЕТАМОРФОЗУ и затем крайне редко будет виден глазам смертных. Это, о Король Наилучший, и есть столь часто воспеваемая (и без греха) НЕВИДИМОСТЬ МАГОВ,

которая (как признают все будущие маги) дарована теориям нашей МОНАДЫ. Опытнейший ВРАЧ тоже из них легко постигнет мистическую волю Гиппократы. Ибо узнает, ЧТО, К ЧЕМУ должно быть прибавлено и что отнято, так что охотно пожелает признать, что и само искусство, и самая МЕДИЦИНА заключены в величайшем сокращении нашей МОНАДЫ. БЕРИЛЛИСТ здесь в кристаллической пластине может точнее видеть всё, что под небом ЛУНЫ находится на земле или в водах, а в карбункуле, или камне $\square\text{X}$, исследует всю воздушную и огненную область. И если ВОАРХАДУМИЧЕСКОЕ, двадцать первая теория нашей Иероглифической Монады, удовлетворит его и сама VOARN BETH ADVMOTH предоставит ему предмет для созерцания, он признает, что ему не нужно ради философствования отправляться к индам или американцам.

И наконец, об АДЕПТИВНОМ роде (что бы ни могло доставить или обещать ARIOT: ON искусство, или что бы ни обрели труды величайшего Гермеса за двадцать лет), хотя мы и писали о нём ранее парижанам, в особой нашей МОНАДЕ (поясняя его анагогическим доказательством), однако Вашему Королевскому Величеству мы неизменно

утверждаем, что ВСЁ ЭТО аналогическим действием нашей МОНАДЫ иероглифической выражено так живо, что другого, более сходного примера человеческому роду не могло бы быть предложено. Это следует перенести на самого себя двояко: а именно, поглотить само возвеличенное Дело и подражать возвеличиванию Дела.

Довольно с моей стороны (даже, боюсь, более чем довольно, если бы это услышала толпа) сказано о редкости этого нашего теоретического дара; позволь, о король Максимилиан (во имя чести тройного славного венца), и пределами этой редкости определить его добротность. Пусть же будет довольно, о единственная краса всех королей, того, что, сколь бы тщательно мы ни показали, насколько редок этот наш дар, никто всё же (хотя бы и самый злоязычный по дерзости завистливого языка) не сможет пробормотать, что это эзопова птица. Что же до того, чтобы он по справедливости терпел недостойную клевету, то все скромнейшие и мудрейшие философы признают, что до этого весьма далеко: ведь они не погнушаются вместе со мной воспеть хвалу и честь тому Фениксу, с чьих одних лишь крыл милосердия мы со страхом и любовью выдернули все эти редчайшие теоретические перья,

чтобы прикрыть нашу наготу, введённую через Адама, дабы, облачённые в них, мы бодрее противостояли иным жесточайшим холодам невежества и скрывали позор заблуждений от глаз философствующих, ревностнейших в служении честной ИСТИНЕ. И хотя мы здесь никоим образом не опираемся ни на какой человеческий авторитет, однако там, где какое-либо примечательное изречение или сочинение древнейшего философа могло быть уместно освещено нашим светом, мы не отказались дружески представить его нашим потомкам: например, в некоторых тайнах Гермеса, Остана, Пифагора, Демокрита и Анаксагора; к ним мы нисходим от наших иероглифических доказательств, вовсе не выпрашивая у этих мужей доверия к ним. И эту столь великую редкость повсюду сопровождает соединённая с нею добротность, так что мы ЗАЯВЛЯЕМ: ничего, ни явно, ни скрыто, не помещено нами в этой книжице, что не было бы вместе с тем честным, искренним, подобающим человеческому достоинству и полезнейшим для стремления к совершеннейшему благочестию и истинной религии. И как правильно рассекать (ΟΡΘΟΤΟΜΕΙΝ) в столь трудных тайнах не может никто, кроме того, кто обладает совершеннейшим охватом всей их полноты, так

никто скорее не выдал бы свою незрелость, злобу или высокомерие, чем тот, кто осмелился бы что-либо из того, что мы здесь поручили Вашей Мудрости, осудить как нечестивое или отвергнуть как пустое. А поскольку для этого дела никого — ни острее умом, ни опытнее на практике, ни могущественнее авторитетом, ни вернее искренностью — нельзя привести в свидетели, нежели того, кого Сам Высочайший Царь царей, Всемогуший, сделал королём, МАКСИМИЛИАНА, то Ваше Августейшее Величество будет для меня вместо всех прочих; и если оно признает это наше одобренным и утверждённым, то это не только заткнёт рты многим трёхгрошовым грамматикастрам, но и ободрит духом многих философствующих, которые либо уже лежат на земле из-за провозглашённой неопределённости столь великих тайн, либо из-за редкости предметов бояться надменных суждений невежд, привыкших (опрометчиво и без разбора, лишь по сходству названия) осуждать добрые занятия вместе с дурными. Притом порой это влечёт крайне достойную сожаления гибель наилучших книг. И то и другое, как может быть совершенно ясно, в разные времена принесло христианскому государству немало вреда: ведь ум, способный к столь великим

предметам и их постижению, либо утрачен первым из этих доводов, либо, уже сделав немалые успехи, видит, как невежественные судьи грубо и надменно осуждают всё столь благородное и божественное изучение тайн. Но это относится к другому месту — подбирать каждой честной науке её соперниц: ложных, призрачных, ненавистных, докучных и бесполезных для человеческого общества. Что только их, и именно в том виде, в каком их усваивают и практикуют простые люди, следует отвергать и осуждать не только по суждению толпы, но и по суждению любого мудрейшего, мы признаём; и что это делалось со всем тщанием, мы тоже советуем. Но те, кто не знает ни того, что существуют те ТЕЛА, ни где они, ни каковы, тончайшими тенями которых являются эти вещи, — как смеют они, или хотя бы по праву могут, осуждать незаурядные занятия людей незаурядных? ДА СВЕРШИТСЯ ПРАВОСУДИЕ. Пусть в этом каждому воздаётся его. Пошлым верхоглядам, которые не только гонятся за тенями великих искусств, но и преступнейшим образом подделывают и искажают их, припишем пустяки, заблуждения и всякое нечестие; но по отношению к тем, кто преуспел в добрых и основательных занятиях, чьи честные нравы и утверждены, и ярко

сияют цельностью, — применять насилие (из-за легковесной клеветы толпы), или навлекать ненависть на их имя и занятия, или подвергать опасности их жизнь — это, о Король, представляется мне не только бесчеловечным, но и несправедливым и как бы нечестивым. Ибо как все тени любых тел, где бы они ни были, имеют с самими телами ОБЩИЕ ГРАНИЦЫ (что превосходно известно математикам), так же и эти обороты речи и письма МУДРЫЕ позволяют быть общими для теней и для самих истинных тел. Тогда как невежественные, опрометчивые и самонадеянные обезьяны ловят одни лишь ТЕНИ, голые и пустые, сами более мудрые философы наслаждаются прочным учением о ТЕЛАХ и приятнейшим плодом. И так мы видим, что на деле поистине происходит следующее: у тех справедливейшим образом вырывается из рук то, что они считали своим (призрачное), как нечто не прочное и не подлинное; а занимающимся телами предоставлено всякое честное и законное постижение и познание теней. Итак, надлежит правильно рассекать (ΟΡΘΟΤΟΜΕΙΝ), о Король, между ТЕНЬЮ и ТЕЛОМ и различать пределы, силы и применения того и другого. Это меч ПРАВОСУДИЯ, царский и императорский; ему, как многое другое,

так и это надлежит исполнять божественную службу. И воистину с некоторым искусством сами мудрецы порой охотно допускают ТЕНЕВЫЕ образы внутрь извилистых изгибов самих тел, чтобы ослам, с рёвом врывающимся в сады Гесперид, не достались отборнейшие салаты, когда им довольно и чертополоха. Прости меня, о Король, обличающего мир в неправде (по авторитету Христа); и я никоим образом не хочу, чтобы это в этом месте, в эти времена, особенно перед упомянутой Твоей Мудростью, считалось отступлениями, — более того, даже излишним. Но об этом довольно. Итак, этот мой плод ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ МОНАДЫ (зачатый в Лондоне, рождённый же в Антверпене) я смиреннейше подношу Вашему Светлейшему Величеству, настоятельно прося Вас не погнушаться ныне стать ему кумом, а после, когда он повзрослеет и станет достойнее доверия благодаря своей верности, чтобы он мог всегда служить Вам в Вашем присутствии. Отныне я хочу, чтобы он считался Вашим, о Милостивейший КОРОЛЬ: ибо Вы, как мне виделись во всё время родов, с ласковейшим видом пребывающим перед моими глазами, так тем самым сделали для меня лёгким и беспрепятственным труд выпустить его на свет. Ведь того, кого я прежде семь лет подряд^а носил в

своём уме, я, благодаря Вашей невероятной магнетической силе, действующей на столь большом расстоянии, всего за двенадцать дней тишайшим образом родил в этот общий воздух. Да даст та Пресвятая ТРОИЦА, чтобы это было счастливо и благополучно как для Вашего Августейшего Высочества, так и для моих пламеннейших стремлений к чистейшей истине; Она (основанная во всемогуществе Неизреченной МОНАДЫ до всех веков) живёт и царствует вечно; Ей Одной да воздаётся и воспевается всякая хвала, честь, сила и слава от всякой твари вовеки. АМИНЬ.

Antverpia.
Anno 1564. Januarij, 29.

Типографу Гильому Сильвию:

своему единственному другу;

Джон Ди, лондонец,

шлёт искреннее приветствие.

Видишь, мой друг, наилучший Гильом, сколь исключительно я дорожу и сколь высоко ставлю достоинства преславного короля Максимилиана:

ему из хранилищ моего сердца я сообщаю редкие и превосходнейшие тайны, и сообщить их ему я позаботился так, чтобы ими могли пользоваться — благодаря твоему усердию и верности — ещё многие по всему кругу земель (отчасти в его честь, за его выдающиеся и поистине королевские достоинства, отчасти чтобы другие брали с него пример: ведь он может мудро заниматься кормилом королевского правления и вместе с тем сполна изучать удивительные тайны философов и мудрецов); многие, повторяю, чтобы могли ими пользоваться. Итак, есть две вещи, о которых мне особенно нужно тебя просить. Первая: чтобы ты везде как можно точнее воспроизводил мою тщательность в разнообразии букв, точек, линий, диаграмм, схем, чисел и прочего, — чтобы то самое, что я (по воле Божией) произвёл на свет как тело, во всех частях хорошо сложенное, не вышло в свет по небрежности типографии изувеченным или безобразным: это было бы недостойно столь великого короля и поистине недостойно занятий и трудов философствующих, которые они стремятся самым глубоким и самым частым исследованием вложить в него с величайшим усердием. Впрочем, мне кажется, что от этого несчастья я достаточно застрахован, раз я избрал тебя типографским

родителем этого недавно рождённого труда: ты своим попечением можешь выпустить его во всех отношениях опрятным и хорошо сложенным в своих членах.

Второе, чего я хотел бы от тебя, — вещь немаловажная: а именно, чтобы ты никоим образом не отдавал эти книжицы в руки простого рода людей. Не потому, что я завидую им в этом или в чём-либо лучшем, но потому, что предвижу отсюда вред: не только оттого, что эти несчастные никогда не смогут выбраться из этого лабиринта (тем временем невероятно изматывая свой ум и крайне дурно радея о своих домашних делах), но и оттого, что они станут уговаривать и других, для которых путь этот недоступен, вступить на него, либо самым преступным образом лгать об его достоверности, будто они её проверили, — самозванцы и личины людей; либо, наконец, отрицать, что такие великие деяния Божии существуют, или с бешеной яростью обвинять мою искренность, и тогда, наконец, впав в отчаяние, как и в начале они, безрассудные, с величайшим самомнением приступили к этим тайнам. Но в деле столь большого значения, если я хорошо знаю тебя уже много лет (и ради нашей дружбы, и ради пользы христианского государства,

и хотя бы ради героических достоинств самого мудрейшего Максимилиана, которые не имеют ничего общего с участью толпы людей), ты поостережёшься, надеюсь, так, чтобы я не показался напрасно искавшим твоей верности. Ты, конечно, поостережёшься, и через тебя — все честнейшие книготорговцы.

Будь здоров.

Ex Museo nostro Antverpiensi:
Anno 1564. Januarij 30.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ МОНАДА:

ДЖОНА ДИ, ЛОНДОНЦА,

*объяснённая математически, магически,
каббалистически и анагогически и обращённая к*

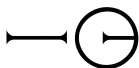
МУДРЕЙШЕМУ КОРОЛЮ РИМЛЯН, БОГЕМИИ И
ВЕНГРИИ, МАКСИМИЛИАНУ.

ТЕОРЕМА I.

Через прямую линию и круг совершилось первое и простейшее выведение на свет и изображение вещей — как не существующих, так и скрытых в покровах природы.

ТЕОРЕМА II.

Но ни круг не может быть искусно создан без прямой, ни прямая — без точки. Поэтому благодаря точке и Монаде вещи впервые и начали существовать; и всё, что наделено окружностью (какой бы величины оно ни было), никоим образом не может обойтись без служения центральной точки.

ТЕОРЕМА III.

Итак, видимая центральная точка Иероглифической Монады изображает ЗЕМЛЮ, вокруг которой и СОЛНЦЕ, и ЛУНА, и прочие планеты совершают свои обращения. И поскольку в этой должности

СОЛНЦЕ занимает высшее достоинство, мы обозначаем его (по преимуществу) целым кругом и видимым центром.

ТЕОРЕМА III.

Полукруг Луны, хотя здесь он как бы выше солнечного круга и предшествует ему, всё же почитает СОЛНЦЕ как своего господина и царя: его формой и близостью он, по-видимому, так радуется, что даже соперничает с ним в величине полудиаметра (для обычных людей) и всегда обращает к нему свой свет; и так жаждет наконец проникнуться СОЛНЕЧНЫМИ лучами, что, как бы преобразившись в него, исчезает со всего неба — пока спустя несколько дней не явится в том рогатом виде, какой мы здесь изобразили.

ТЕОР. V.

И когда к лунному полукругу был добавлен солнечный до полноты, был вечер и было утро — день один. Пусть же это будет первый день, в который был сотворён СВЕТ философов.

ТЕОР. VI.

Мы видим здесь, что СОЛНЦЕ и ЛУНА опираются на прямолинейный крест. Он может вполне уместно означать иероглифически как ТРОЙКУ, так и ЧЕТВЁРКУ. ТРОЙКУ — из двух прямых и общей для обеих, как бы соединяющей точки. ЧЕТВЁРКУ же — из 4 прямых, заключающих 4 прямых угла, причём каждый из них (для этого) повторён дважды (и так там же, самым сокровенным образом, является и ВОСЬМЁРКА, которую, сомневаюсь, видели ли когда-либо наши предшественники, маги; и ты это особенно отметишь). Магическая ТРОЙКА первых отцов и мудрецов состояла из ТЕЛА, ДУХА и ДУШИ. Отсюда мы имеем здесь явную первичную СЕМЁРКУ: именно из двух прямых И общей точки, а затем из 4 прямых, расходящихся ИЗ одной точки.

ТЕОР. VII.

Если стихии вывести за пределы их естественных мест, то разъединённые однородные их части научат испытующего, что они естественным образом возвращаются на эти места по прямым линиям. Итак, не будет нелепостью по 4 прямым, расходящимся из единой, неделимой точки в противоположные стороны, указать таинство ЧЕТЫРЁХ СТИХИЙ (на которые в конце концов может быть разложена всякая составленная из них вещь). Заметь также прилежно: геометры учат, что ЛИНИЯ ПРОИЗВОДИТСЯ ТЕЧЕНИЕМ ТОЧКИ; мы же здесь напоминаем, что подобным образом происходит и у нас: наши стихийные линии производятся в нашей механической магии непрерывным падением КАПЛИ (как физической точки), как бы ТЕЧЕНИЕМ.

ТЕОР. VIII.

Далее, каббалистическое развёртывание ЧЕТВЁРКИ по обычному способу счёта (когда мы говорим: один, два, три, четыре) в сумме даёт ДЕСЯТКУ. Так обычно говорил и сам Пифагор: ведь 1, 2, 3 и 4 составляют десять. Не случайно, стало быть, ПРЯМОЛИНЕЙНЫЙ КРЕСТ (то есть двадцать первая буква римского алфавита), признанный образованным из 4 прямых, был принят древнейшими латинскими философами для обозначения ДЕСЯТКИ. Место ему также определено там, где его устанавливает ТРОЙКА, проводящая свою силу через СЕМЁРКУ.

ТЕОР. IX.

Это, как видно, прекрасно подходит к нашей МОНАДЕ, СОЛНЦУ и ЛУНЕ: ведь через магию 4 стихий было совершено точнейшее РАЗДЕЛЕНИЕ их на свои линии, а затем через окружности этих же линий (по законам геометрии можно описать круг любой величины данной линии) в солнечном завершении было совершено круговое СОЕДИНЕНИЕ. Тогда не может остаться скрытым, насколько нашей МОНАДЕ, СОЛНЦУ и ЛУНЕ служит десятичная пропорция креста.

ТЕОР. X.

Додекатеморий Овна — эта фигура, употребляемая астрономами (как бы *Acioxedes*, то есть заострённая), всем хорошо известна; и известно также, что с этого места неба берёт начало Огненный триплицитет. Поэтому, чтобы означить, что для служения огня (в практике этой МОНАДЫ) он необходим, мы добавили астрономический знак Овна. Так, кратко, мы завершили одно иероглифическое рассмотрение нашей МОНАДЫ, которое хотим выразить единым иероглифическим сочетанием:

ЛУНА И СОЛНЦЕ ЭТОЙ МОНАДЫ ХОТЯТ, ЧТОБЫ БЫЛИ РАЗДЕЛЕНЫ ИХ СТИХИИ, В КОТОРЫХ БУДЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ ДЕСЯТИЧНАЯ ПРОПОРЦИЯ; И ЧТОБЫ ЭТО СОВЕРШАЛОСЬ ПОСРЕДСТВОМ СЛУЖЕНИЯ ОГНЯ.

ТЕОР. XI.

Мистический знак Овна, составленный из двух полукругов, соединённых в общей точке, как нельзя лучше назначается на место равноденственных суток. Ведь время двадцати четырёх часов, распределённое по способу равноденствия, обозначает наши сокровеннейшие пропорции. Наши, говорю, по отношению к Земле.

ТЕОР. XII.

Древнейшие мудрецы-маги передали нам иероглифические знаки пяти планет: все они составлены из знаков ЛУНЫ или СОЛНЦА с иероглифическим знаком стихий или Овна. Таковы вот эти, которые вы видите здесь изображёнными. Каждый из них нетрудно объяснить иероглифически, исходя из заложенных нами ранее оснований. Но сперва мы теперь парафрастически поговорим о тех, что имеют знак Луны, а затем о солнечных. Наша ЛУННАЯ природа, когда посредством науки о стихиях она однажды будет обращена вокруг нашей Земли, мистически называлась САТУРНОМ. И по той же причине носила и имя ЮПИТЕРА, сохраняя эту более сокровенную фигуру. А Луну, в третий раз

приведённую в стихийный вид, обозначали так, более темно. Его обычно называют МЕРКУРИЕМ. Насколько он ЛУННЫЙ, вы видите. То, что он производится ЧЕТВЁРТЫМ обращением, хотя некоторые мудрецы того и желают, нашему тайному замыслу всё же не противоречит: лишь бы чистейший магический Дух вместо Луны управлял делом убеления (τῆς λευκάνσεως), и своей духовной силой ОДНО СОЛНЦЕ вместе с нами, как бы через средний естественный день, без слов, иероглифически говорило, вводя в чистейшую и простейшую землю, нами приготовленную, и ОТТИСКИВАЯ в ней эти четыре геогамические фигуры, или вместо них ту другую.

♄		Saturnus.	♂	♂	Mars.
♃	♄	Iupiter.	♀		Venus.
☿		Mercurius.	☿		Mercurius.

♄	♄	☾	☿	☿
---	---	---	---	---

ТЕОР. XIII.

Итак, мистический знак МАРСА разве не сплавлен из иероглифов СОЛНЦА и ОВНА, при (отчасти) посредстве стихийного магистерия? А знак ВЕНЕРЫ, прошу, разве не из СОЛНЦА и более полного развёртывания стихий? Итак, эти планеты обращены к СОЛНЕЧНОМУ *круговращению*, и к Делу *оживления огня*, в ходе которого наконец становится видимым тот другой Меркурий — единоутробный брат первого. Когда завершена лунная и солнечная магия стихий, как это нам предельно ясно говорит сам иероглифический Вестник, если только мы пожелаем вперить в него взоры и приклонить к нему более внимательное ухо. И (по воле Божией) это и есть тот знаменитейший МЕРКУРИЙ философов, МИКРОКОСМ и АДАМ. Однако некоторые опытейшие обычно ставили на его место и ступень само СОЛНЦЕ. Чего мы в наш век сделать не можем — разве что поставили бы во главе этого золотокораллового (Χρυσοκοράλλινω) дела какую-нибудь ДУШУ, отделённую от ТЕЛА пиروномическим искусством. Это и трудно исполнить, и крайне опасно из-за огненных и серных испарений, которые она приносит с собой. Но эта ДУША, конечно, сможет совершить чудеса: а

именно, и к диску ЛУНЫ (или хотя бы МЕРКУРИЯ) привязать неразрывными узами ЛЮЦИФЕРА, и даже ПИРОЕНТА; и в третьем (как хотят) месте (для пополнения нашего числа СЕМЁРКИ) явить нам то СОЛНЦЕ ФИЛОСОФОВ. Для обозначения ТАЙН этих двух теорем смотрите, как точно, как ясно этому соответствует эта АНАТОМИЯ нашей ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ МОНАДЫ.

TEOP. XIII.

		4: 		
		3: 		
6: 	2: 		4: 	5:
				
				

**TOTIVS
ASTRO-
NOMIÆ
INFERIO
RIS, ANA-
TOMIA
MONADI-
CALIS.**

Что всё это магистерие зависит от СОЛНЦА и ЛУНЫ, уже ясно подтверждено. Об этом некогда предупредил нас и тот Трижды Величайший Гермес, утверждая, что отец его — СОЛНЦЕ, а мать — ЛУНА; питается же он, как мы знаем, на ЗЕМЛЕ ЛЕМНОССКОЙ — а именно лучами лунными и солнечными, оказывающими на неё особое ВЛИЯНИЕ.

ТЕОР. XV.

Итак, труды СОЛНЦА и ЛУНЫ вокруг Земли мы предлагаем философам к рассмотрению. А именно: как, пока СОЛНЕЧНОЕ сияние пребывает в Овне, сама Луна в ближайшем знаке (то есть в Тельце) получает новое достоинство света и ВОЗВЫШАЕТСЯ над своими врождёнными силами. Это соседство светил (более примечательное, чем прочие) древние выражали неким мистическим начертанием, отмеченным именем ТЕЛЫЦА. Что оно есть ВОЗВЫШЕНИЕ ЛУНЫ, известно превосходно: с самой первой поры человечества (среди положений астрономов) это передано памяти. Но тайну эту разумеют лишь те, кто стал совершенными жрецами таинств. Подобным же образом ТЕЛЕЦ назван ДОМОМ ВЕНЕРЫ — то есть

целомудренной и плодоносной СУПРУЖЕСКОЙ ЛЮБВИ: ибо «природа природой услаждается», как сокрыл великий ОСТАН в своих сокровеннейших таинствах.

СОЛНЦЕ же, по той причине, что оно после некоторых допущенных затмений своего света обретает силу Марса, и в ДОМЕ самого этого знака (то есть в нашем Овне) говорят, словно в своём собственном, торжествует в ВОЗВЫШЕНИИ. Эти сокровеннейшие таинства ясно и совершенно показывает и наша МОНАДА: во-первых, та иероглифическая фигура ТЕЛЬЦА, что здесь изображена, а во-вторых, та фигура МАРСА, которую мы привели в 12-й и 13-й теоремах: она указывает на СОЛНЦЕ, идущее прямо в ОВЕН. Из настоящей же теории открывается иное каббалистическое рассечение нашей МОНАДЫ, истинное и искусное объяснение которого таково: ВОЗВЫШЕНИЯ ЛУНЫ И СОЛНЦА ПОСРЕДСТВОМ НАУКИ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ.

Taurus		LVNAE EXAL- TATIO.
Aries		ELEMENTA. SOLIS EXAL- TATIO.

ПРИМЕЧАНИЕ.

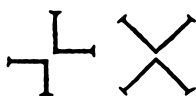
Здесь, полагаю, следует особенно отметить две вещи. Первая: эта иероглифическая фигура Тельца в точности воспроизводит нам греческий дифтонг δ — всегда окончание родительного падежа единственного числа первого склонения. Вторая: благодаря уместному местному метатезису она двояко показывает нам АЛЬФУ — при окружности и полуокружности, лишь касающихся друг друга или (как здесь) пересекающихся.

ТЕОР. XVI.

Теперь нам надлежит кратко, применительно к нашей цели, порассуждать о КРЕСТЕ. Наш КРЕСТ, хотя и составлен (как мы говорили) из двух прямых, притом равных, всё же не рассекает их друг друга на равные длины. Но мы хотели, чтобы в мистическом распределении нашего Креста были и равные, и неравные части. Этим мы намекаем, что во власти двух так рассечённых прямых (поскольку они равной величины) таится и сила РАВНОСТОРОННЕГО КРЕСТА. Ведь когда КРЕСТ в самом общем виде велено составить из равных прямых, то некая СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИРОДЫ требует, чтобы он образовывался равным

пересечением линий. По мерилу этой справедливости о РАВНОСТОРОННЕМ КРЕСТЕ (каков двадцать первая буква латинского алфавита) мы предложим к рассмотрению следующее. «Если у КРЕСТА прямолинейного, прямоугольного и равностороннего мыслится проведённой где угодно прямая через общую точку пересечения и противоположные углы, то по обе стороны от так проходящей прямой образованные части Креста совершенно подобны и равны; их фигуры те же, что у той латинской буквы, которая принята за ПЯТУЮ из гласных и у древнейших латинских философов была весьма употребительна для обозначения ПЯТЕРКИ. И это, полагаю, сделано ими вовсе не нелепо, поскольку она есть подобная половина нашей Десятки. Итак, из этой фигуры, так удвоенной (из этого гипотетического деления Креста) и возникающей тем способом, каким ПЯТЕРКУ изображают обе (хотя одна стоит прямо, а другая здесь перевёрнута), мы получаем указание, что здесь подражается квадратному умножению квадратных корней (которое здесь чудесным образом приходит к КРУГОВОМУ ЧИСЛУ, а именно к ПЯТЕРКЕ). Отсюда, как известно, непременно получается ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ (как и сама буква — двадцатая и пятая из гласных). Теперь же

рассмотрим другое положение самого равностороннего КРЕСТА, а именно то, что подобно положению нашего МОНАДИЧЕСКОГО КРЕСТА; подобным же образом мы допускаем здесь двухчастное деление Креста (как выше).

Отсюда являет себя и удвоенная фигура другой буквы латинского алфавита: одна стоит прямо, другая перевёрнута и обращена назад; по древнейшему обычаю латинян она употребляется для обозначения ПЯТИДЕСЯТИ. Это, как мне видится, установлено прежде всего потому, что и она есть знак ПЯТЕРКИ, существенным образом взятый из нашей ДЕСЯТКИ Креста, но помещённый в том положении, в котором сам Крест, величайший из всех таинств, есть совершеннейший иероглифический знак. Поэтому, заключая силу ДЕСЯТКИ в своей ПЯТЕРИЧНОЙ мощи, она радуется ЧИСЛУ ПЯТИДЕСЯТИ как своему порождению. О, БОЖЕ МОЙ, КАК ВЕЛИКИ ЭТИ ТАЙНЫ! И имя ему — ЭЛЬ. Более того, и по этой причине она, кажется, взирает на десятичную силу Креста: она поставлена посередине между первой буквой алфавита и самой

Десяткой Креста и от каждой из них по порядку десятая. А когда мы показали, что в КРЕСТЕ две такие цельные части (рассматривая теперь лишь их числовую силу), то совершенно ясно, что отсюда вырастает СОТНЯ. Если же по закону квадратов они претерпят взаимное умножение, то дадут нам дважды тысячу пятьсот. Квадрат этого числа, сопоставленный с квадратом прежнего кругового числа и приложенный к нему, снова восстановит СОТНЮ; так и сам КРЕСТ, раскрываясь согласно мощи своей ДЕСЯТКИ, будет признан СОТНИКОМ. И всё же, будучи лишь единым знаком КРЕСТА, он представляет и ЕДИНИЦУ. Итак, здесь (помимо прочего, достойного величайшего внимания) из этих теорий КРЕСТА мы уже научены считать и продвигаться таким образом: Один, Десять, Сто. Так нас возводит ДЕСЯТИЧНАЯ пропорция КРЕСТА.

ТЕОР. XVII.

Как можно уяснить из Шестой теоремы, в нашем КРЕСТЕ рассматриваются ЧЕТЫРЕ прямых угла. Приписать каждому из них значение ПЯТЕРКИ учит предыдущая теорема — при расположении одним способом; при ином же положении та же теорема допускает, что они становятся иероглифическими

знаками числа ПЯТИДЕСЯТИ. Так что совершенно очевидно: КРЕСТ обычно обозначает ДЕСЯТКУ; затем, в порядке латинского алфавита он — двадцать первая буква (отсюда и случилось, что мудрецы, называемые Мекубалами, обозначали двадцать один этой же буквой); наконец, он может рассматриваться и совсем просто: как единый знак, каковым он и виден, какую бы и сколь великую иную силу он ни имел. Из всего этого мы видим, что превосходным каббалистическим доказательством можно заключить: наш КРЕСТ может для посвящённых чудесно сжато означать ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ДВА. Ибо четырежды ПЯТЬ, четырежды ПЯТЬДЕСЯТ, ДЕСЯТЬ, ДВАДЦАТЬ ОДИН и ЕДИНИЦА составляют ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ДВА. Это число, как мы сами можем вывести его из предпосылок ещё двумя другими способами, так и каббалистическим новичкам рекомендуем вывести, заботясь о краткости. Однако различное искусное порождение этого же магистерского числа мы почитаем достойным рассмотрения философов. И я не утаю от вас иного, достойного памяти мистагогического наставления. Видя, что наш КРЕСТ допускает разделение на две другие буквы: если, как мы прежде некоторым образом взвесили их числовую силу, так теперь в свою очередь СОПОСТАВИМ ИХ

СЛОВЕСНУЮ СИЛУ С САМИМ КРЕСТОМ, то с величайшим удивлением уразумеем, что отсюда рождается СВЕТОСЛОВ, ЗАВЕРШАЮЩЕЕ и МАГИСТЕРСКОЕ (из согласия и единомыслия ТРОИЦЫ в единстве Слова).

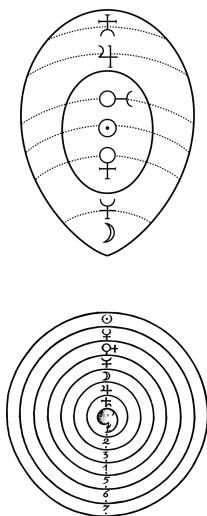
ТЕОР. XVIII.

Из нашей двенадцатой и тринадцатой теорем можно заключить, что Небесная астрономия есть как бы родительница и наставница НИЖНЕЙ. Итак, подняв к небу каббалистические очи (просветлённые теорией вышеназванных мистерий), мы увидим точную АНАТОМИЮ нашей МОНАДЫ, всегда так являющую себя нам в СВЕТЕ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ и по собственному своему КИВКУ яснейшим образом раскрывающую сокровеннейшие тайны этого физического АНАЛИЗА. А что фигуру ЯЙЦА следует применять к этому СОЧЕТАНИЮ, нас научил Небесный ВЕСТНИК, когда мы однажды созерцали теоретические и небесные движения. Ведь астрономам прекрасно известно, что ОН сам в эфире своим ходом описывает ОВАЛЬНЫЙ круг. А поскольку слова мудрому должно быть достаточно, вот наши толкования этого небесного замысла (так

иероглифически изложенные), вполне согласные со сказанным. ОТСЮДА наставленные, пусть несчастнейшие алхимики научатся признавать свои разнообразные заблуждения: что такое ВОДА белка ЯИЦ, что МАСЛО из желтков, что ИЗВЕСТИЯ ЯИЦ; ОТСЮДА пусть те невежественнейшие обманщики, к своему отчаянию, поймут это и многое другое, подобное этому. Здесь у нас почти всё СОРАЗМЕРНО ПРИРОДЕ. Это то самое ОРЛИНОЕ ЯЙЦО, которое некогда разбил СКАРАБЕЙ за ОБИДУ, нанесённую робким и неразумным людям насилием и жестокостью той ПТИЦЫ: хотя некоторые и прибегали к логову скарабея (моля о помощи), оттуда они всё же не были избавлены; но сам скарабей, один, полагая, что эту ОБИДУ необходимо отомстить всеми способами, — как был он бодр духом и тверд волей, так не доставало ему для этого ни сил, ни ума. Оттого, когда он различными усилиями преследовал ОРЛА, прибегнув к тончайшему искусству НАВОЗА, он в конце концов добился того, чтобы ЯЙЦО орла (даже положенное на колени Юпитера) было СБРОШЕНО НА ЗЕМЛЮ и таким образом РАЗБИТО. И тем же или иным способом скарабей в конце концов истребил бы с земли весь орлиный род, если бы Юпитер (предостерегая от столь великого зла) не устроил,

чтобы в то время года, когда орлицы заботливо пекутся о своих ЯЙЦАХ, вокруг не летали никакие СКАРАБЕИ. Однако тем, кого терзает жестокость этой ПТИЦЫ, я посоветовал бы научиться у самих гелиокантаров (которые так живут, скрываясь в определённые круговороты времён) полезнейшему искусству: даже если сами они этого не делают, всё же было бы им весьма приятно, чтобы по их ПОДСКАЗКАМ и знакам можно было совершить отмщение над своим врагом. И здесь (О Король) я пытаюсь изображать не Эзопа, а Эдипа — признались бы в этом, будь они здесь, те, кому впервые пришло на ум так рассуждать о высших тайнах Природы. Я знаю, что есть, конечно, и такие, кто, если бы имел РАСТВОРЁННОЕ ОРЛИНОЕ ЯЙЦО по ИСКУССТВУ СКАРАБЕЯ, сперва СМЕШАЛ бы ИЗВЕСТИЕ его с чистым и цельным белком. Затем эту СМЕСЬ искусным порядком обмазал бы всей жидкостью ЖЕЛТКА, вращая и перекачивая, как скарабеи лепят свои шарики. Так совершилось бы великое ПРЕВРАЩЕНИЕ ЯЙЦА: сам белок, разумеется, исчезает и словно вовлекается (после этих многочисленных как бы винтовых оборотов) в самую ЖЕЛТКОВУЮ ЖИДКОСТЬ. Такой иероглифический знак этого искусства придётся не не по вкусу домоправителям ПРИРОДЫ. Мы читаем,

что в прежние века такое искусство весьма прославляли важнейшие и древнейшие философы как вернейшее и полезнейшее. Анаксагор, например, из этого Магистерия позднее приготовил превосходнейшее лекарство, как можно видеть в его книжице «О физических превращениях». Что здесь нет ничего вне иероглифической силы нашей МОНАДЫ, ясно увидит тот, кто искреннее прилагает ум к этим мистериям.

ТЕОР. XIX.

Что СОЛНЦЕ и ЛУНА гораздо сильнее всех прочих планет изливают свои телесные силы на все нижние стихийные тела, показывает на деле

ПИРОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ всех телесных вещей, когда он возвращает водянистую влагу ЛУНЫ и огненную жидкость СОЛНЦА, которыми поддерживается ЗЕМНАЯ ПЛОТНОСТЬ смертных вещей.

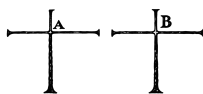
ТЕОР. XX.

Хотя мы выше достаточно хорошим иероглифическим доводом показали, что ЭЛЕМЕНТЫ обозначаются ПРЯМЫМИ линиями, здесь всё же дадим точнейшее рассмотрение о как бы ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТОЧКЕ нашего КРЕСТА. При рассмотрении нашей ТРОИЦЫ эта точка ни в коем случае не может отсутствовать — в том положении нашей ДВОИЦЫ. Ведь если бы она могла отсутствовать, — а кто стал бы это утверждать, не сведущий в Божественной Матезе? — пусть допустит, что она отсутствует. Тогда не останется нашей ДВОИЦЫ, а возникнет ЧЕТВЕРИЦА: с удалением той точки прерывается единство линий. Но что ДВОИЦА остаётся, вместе с нами предположил наш противник; значит, ДВОИЦА будет тем же самым, что и ЧЕТВЕРИЦА, в том же рассмотрении. Что это, *из числа невозможного* есть, вполне очевидно. Итак, по полной необходимости

должна присутствовать та ТОЧКА, что вместе с ДВОИЦЕЙ составляет нашу ТРОИЦУ, и ничто иное не может быть ПОДСТАВЛЕНО на её место. Однако она не принадлежит к ипостасному свойству самой ДВОИЦЫ и никоим образом не есть её часть. Что она не часть, доказывается отсюда. Все части линии суть линии. А что это ТОЧКА, подтверждает гипотеза. Следовательно, она не какая-либо часть той ДВОИЦЫ, а тем более не принадлежит к ипостасному свойству Двоицы. Поэтому ДОЛЖНО ОСОБЕННО ОТМЕТИТЬ, что она имеет и СОБСТВЕННУЮ ИПОСТАСЬ, и тем не менее содержится в самих ЛИНЕЙНЫХ протяжённостях нашей ДВОИЦЫ. И поскольку, как видно, она ОБЩА ОБЕИМ, то считается, что и САМА ДВОИЦА ПРИНИМАЕТ НЕКИЙ ТАЙНЫЙ ОБРАЗ. Отсюда мы ЗДЕСЬ ПОКАЗЫВАЕМ ЧЕТВЕРИЦУ, ПОКОЯЩУЮСЯ В ТРОИЦЕ. Ты, мой Боже, прости меня, молю, если я ныне согрешил против Твоего Величия, открыв столь великое таинство в публичных писаниях. Но надеюсь, что поймут его истинно лишь достойные. Перейдём теперь к той ЧЕТВЕРИЦЕ нашего КРЕСТА, которую мы указали. Рассмотрим, может ли здесь отсутствовать та ТОЧКА, что ТАМ изображена. Математика, конечно, учит нас, что её можно удалить. Ибо не только при ЕЁ ОТДЕЛЕНИИ

ОСТАЁТСЯ наша ЧЕТВЕРИЦА, но она станет в глазах всех гораздо РАЗЛИЧИМЕЕ и ЯСНЕЕ, БЕЗ УЩЕРБА ДЛЯ СВОЕЙ СУЩЕСТВЕННОЙ СОРАЗМЕРНОСТИ ПРИ УХОДЕ ЧАСТИ, ТАК ЧТО ЛИШНЯЯ ТОЧКА СМЯТЕНИЯ ОСУЖДЕНА И ОТВЕРГНУТА. О Всемогущее Божественное Величие, КАКУЮ МУДРОСТЬ И КАКУЮ БЕЗДНУ НЕИЗРЕКАЕМЫХ ТАИН, ЗАКЛЮЧЁННЫХ В ТВОИХ ЧЕРТАХ И ЙОТАХ, ОПИСАННЫХ И РАСПОЛОЖЕННЫХ В ТВОЁМ ЗАКОНЕ, МЫ, СМЕРТНЫЕ, ВЫНУЖДЕНЫ ПРИЗНАТЬ, ЕСЛИ ВЕЛИЧАЙШИЕ ЗЕМНЫЕ СЕКРЕТЫ И ТАЙНЫ МОГУТ БЫТЬ ОБЪЯСНЕНЫ И ВЕРНЕЙШЕ ДОКАЗАНЫ РАЗЛИЧНЫМ ПОКАЗАНИЕМ ОДНОЙ ЭТОЙ ТОЧКИ, ПОМЕЩЁННОЙ И ИССЛЕДОВАННОЙ МНОЮ (НО В ТВОЁМ СВЕТЕ)? ТОЧКИ, разумеется, в божественной ТРОИЦЕ никоим образом не ЛИШНЕЙ, НО ТОЧКИ, рассмотренной в ЦАРСТВЕ ЧЕТЫРЁХ ЭЛЕМЕНТОВ, МУТНОЙ, ТЛЕННОЙ, ТЁМНОЙ. О трижды и четырежды блаженные те, кто может ОБРЕСТИ ту ТОЧКУ ТРОИЦЫ (как бы СОЕДИНИТЕЛЬНУЮ), а ту ТОЧКУ ЧЕТВЕРИЦЫ, МЕРЗКУЮ И ЛИШНЮЮ, ОТОСЛАТЬ и оставить Князю Тьмы. Так мы придём к УКРАШЕНИЯМ СНЕЖНОЙ СВЕЛОСТИ И БЕЛЫХ ОДЕЖД, О МАКСИМИЛИАН: которого Бог (посредством этого мистагогического наставления или кого-либо из Австрийского дома) некогда да

сделает Величайшим (хотя бы и меня, уснувшего во Христе) к чести Своего Страшного Имени, — в этих, этих мерзостных (ЛИШНЕЙ ТОЧКИ на ЗЕМЛЕ) Тьмах и далее нестерпимых. Но чтобы мне самому уже не изливать лишние слова (не в подобающем, разумеется, месте), я тотчас вернусь в пределы своего замысла. И поскольку я уже закончил речь для тех, чьи глаза пребывают в их сердце, теперь слово надо обратить к тем, чьи сердца ещё выступают в их глазах. Сказанное нами здесь может некоторым образом представить приписанная фигура КРЕСТА. Во-первых, о ТОЧКЕ, НЕОБХОДИМОЙ в двух РАВНЫХ ЛИНИЯХ (пересечённых крестообразно равно и неравно), как здесь, у А. Затем у В (как бы некую пустоту удалённой лишней точки) вы видите ЧЕТЫРЕ прямые линии, ОТДЕЛЁННЫЕ от ТОЧКИ, прежде им общей, без какого-либо ущерба для них.

» Таков путь, которым наша МОНАДА, проходя через Двоицу и ТРОИЦУ, в очищенной ЧЕТВЕРИЦЕ возвращается к САМОЙ СЕБЕ, единой, посредством соразмерности равенства. (Ведь всякое целое равно

всем своим частям.) И пока это совершается, наша МОНАДА между тем не допускает ничего из внешних единиц и чисел, поскольку сама себе совершенно довольствуется, будучи вполне завершённой во всех своих числах. В их широту она и изливается магическими способами, и затем, необычным трудом художника и к величайшей пользе самой Монады (в достоинстве и могуществе), возвращается к своей первой и собственной МАТЕРИИ; между тем всё, что не относится к её подлинной и наследственной соразмерности, всякими способами и со всем тщанием отсекается, а осадок отбрасывается навеки.

ТЕОР. XXI.

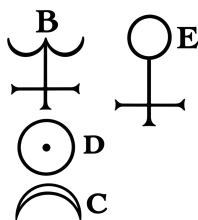
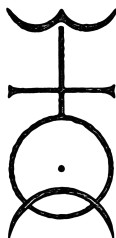
ЕСЛИ бы то, что скрывалось завёрнутым внутри, в тайниках нашей МОНАДЫ, было вызвано на свет и, при перемене мест, её первые части, как бы внешние, оказались помещены посередине, то какое философское преобразование МОНАДЫ отсюда получилось бы, вы видели выше. Теперь же мы предложим вам другую, местную перемену МИСТИЧЕСКОЙ МОНАДЫ: те части, из которых прежде нам явились наши иероглифические знаки ВЕРХНИХ ПЛАНЕТ, здесь воздвигнуты вверх, и

таким образом остальные планеты затем получают каждая то положение, какое, по-видимому, почти определил им Платон, если правильно взять их из этого расположения. Ведь на самом острие Овна сходятся Сатурн, Юпитер, Марс; затем, при спуске, Крест служит Венере и Меркурию. Следуют наконец само Солнце и последняя — ЛУНА. Но об этом нужно рассуждать в другом месте; однако философских сокровищ нашей МОНАДЫ я не пожелал утаить: и потому мы сочли уместным привести одну причину, почему положение МОНАДЫ так изменено. Но другое, что, как я знаю, вам на пользу, — смотрите и слушайте: более важное об этом положении, и объяснимое немногими словами. Разделим же МОНАДУ (расположенную этим новым способом) на анатомические члены В, D, С. Здесь, в этой новой ТРОИЦЕ, у D и С даже для простолюдинов известны ФИГУРЫ. Но ТРЕТЬЯ, обозначенная через В, не так легко может быть узнана всеми. И нельзя легко пройти мимо того, что эти столь известные ФОРМЫ D и С, отделённые от того В и отличные от него, показывают СУЩНОСТИ; во-вторых, что рога этого С видны обращёнными вниз, как бы к ЗЕМЛЕ; и у D та часть, что освещает само С, обращена к земле, то есть вниз: в центре его одного находится видимая ТОЧКА, воистину

ЗЕМНАЯ. И, наконец, что и D, и C здесь указывают иероглифически скорее на низшие места, чем В. Земля же иероглифически может обозначать для нас УСТОЙЧИВОСТЬ и ЗАКРЕПЛЁННОСТЬ. Каковы же D и C, предоставляю заключить отсюда. Отсюда же каждый может теперь заметить великую ТАЙНУ: о прежних СОЛНЦЕ и ЛУНЕ, о которых мы говорили, — как они могут отсюда получить более полное и крайне необходимое истолкование, ибо до этого места они были помещены вверх, и лунные рога были подняты вверх. Но об этом довольно. Теперь исследуем ПРИРОДУ этого ТРЕТЬЕГО по основаниям нашего иероглифического искусства. Во-первых, на голове он, по-видимому, несёт ДВОЙНУЮ ЛУНУ. Или нашего Овна (но мистически перевёрнутого). Затем он имеет присоединённый иероглифический знак Элементов. Что касается ДВОЙНОЙ Луны, её (в соответствии с лежащим в основе предметом) можно объяснить так: ДВОЙНАЯ СТЕПЕНЬ ЛУНЫ. Мы говорим о тех степенях, по которым сведущие в физике могут найти среди всех сотворённых ПРИРОД лишь ЧЕТЫРЕ: именно БЫТЬ, ЖИТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ и ПОНИМАТЬ. Отметив, что первые две из этих степеней присущи ей, скажем так: ЛУНА СУЩАЯ, ЖИВАЯ. Жизнь же некоторые определяют через Движение. У ДВИЖЕНИЯ же шесть

известнейших видов. КРЕСТ, который присоединён, указывает, что здесь требуется искусство Элементов. Кроме того, в этих наших теориях, как мы очень часто передавали, что ПОЛУКРУГ есть иероглиф ЛУНЫ, так и целый круг означает СОЛНЦЕ; здесь же два полукруга, но ОТДЕЛЁННЫЕ (однако соединённые у общей ТОЧКИ), которые, если надлежаще их соединить (как это, конечно, можно сделать искусством), могут представить нам СОЛНЕЧНУЮ и круговую полноту. Из всего этого, рассмотренного вместе, очевидно, что мы можем иероглифически, вкратце, высказать такое суждение: ЛУНА СУЩАЯ ЖИВАЯ, ПОДЛЕЖАЩАЯ ОБРАБОТКЕ ЧЕРЕЗ МАГИСТЕРИЙ ЭЛЕМЕНТОВ: ИМЕЮЩАЯ СИЛУ ПРЕДСТАВИТЬ СОЛНЕЧНУЮ ПОЛНОТУ, КОГДА ЕЁ ПОЛУКРУГИ ИСКУССТВОМ СОЕДИНЕННЫ. Пусть же завершится и возникнет тот КРУГ (о котором мы сказали), как мы отметили здесь буквой Е. Будем же помнить, во-первых, что эта СОЛНЕЧНАЯ СТЕПЕНЬ не встретилась нам от Природы, но уже ИСКУССТВЕННАЯ и СДЕЛАННАЯ; и что она предстала нам с первого взгляда; и по своей природе (то есть в В) со своими частями рыхлыми, текучими, расплавленными, а не СТВЕРДЕВШИМИ в солнечный вид. Затем, что полудиамер этих полукругов не равен полудиамеру D и C (так нам

рождённых и всем известнейших), а гораздо меньше. Отсюда ясно: этот В не столь обширен, сколь сами D, C. И это хорошо подтверждает нам само E: этим круговым действием, продвинутым от В к виду E. Ибо отсюда у нас выходит лишь знак ВЕНЕРЫ. Итак, мы уже сделали явным этими иероглифическими силлогизмами: от В не следует ждать истинного D; и в природе В прежде не было истинной C; потому она не была ИСТИННОЙ, живой ЛУНОЙ. О ЖИЗНИ и Движении ты тоже можешь теперь сомневаться: истинно ли и естественно они так обстоят; однако, как мы уже разъяснили разумным, по крайней мере АНАЛОГИЧНЫ будут ВСЕ вещи, говорящиеся сходным оборотом (о В); как и выше то, что о C и D мы кратко затронули АНАЛОГИЧЕСКИ: самому В с его ЭЛЕМЕНТАМИ надлежащим образом подходит; то, что мы привели и о природе Овна, должно точно подходить к этому, ибо он несёт на своей голове (хотя и перевёрнутую) ту же фигуру; как и тот же мистический знак элементов присоединён к самому В.

Но когда мы видим из этой анатомии, что из единого тела нашей МОНАДЫ (рассечённого таким искусством) вышла эта новая ТРОИЦА, то мы не можем сомневаться, что такие ЧЛЕНЫ, готовые обнять друг друга взаимной СИМПАТИЕЙ и как бы сами собой допустить СОВЕРШЕННЕЙШЕЕ МОНАДИЧЕСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ, — так в этих ЧЛЕНАХ деятельна МАГНИТНАЯ сила.

Наконец, мне захотелось отметить (ради отдохновения духа): что само В весьма легко показывает нам ГРУБЫЕ буквы — столько, сколько точек оно несёт вверху, на голове и как бы на челе: а именно эти три; а также как бы другие шесть

(вкратце, трижды три), весьма ГРУБЫХ и неотделанных, текучих и изменчивых: как вы видите, они сделаны из одного или нескольких полукругов. Но в руках опытных и грамотных людей есть более твёрдый и устойчивый способ ОБРАЗОВЫВАТЬ ЭТИ БУКВЫ. Бесконечность тайн я имел здесь перед глазами, но захотел этой забавой прервать данную теорию. Однако я понимаю, что немало поспособствую усилиям некоторых, если (после того как наша МОНАДА возвращена в прежнее своё мистическое положение и отдельные члены искусно сложены) хотя бы напомню им и побужу их: тщательнее ТЕПЕРЬ исследовать, КАКИМ БЫЛ тот ОВНИНЫЙ ОГОНЬ ПЕРВОЙ ТРОИЧНОСТИ. Каков тот наш Равноденственный. Что послужило причиной того, что СОЛНЦЕ МОГЛО БЫТЬ ВОЗВЫШЕНО НАД ОБЫЧНОЙ СВОЕЙ СТЕПЕНЬЮ; и прочее предыдущее, весьма многое, ПРОБЕЖАТЬ БОЛЕЕ МУДРЫМИ ВТОРЫМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ. Но мы, спеша ныне к другому, пожелали лишь пальцем указать другим путь (на котором им надлежит настаивать) не только дружески, но и вернейшим образом, умалчивая, как сказали, о бесконечности иных тайн, однако явной.

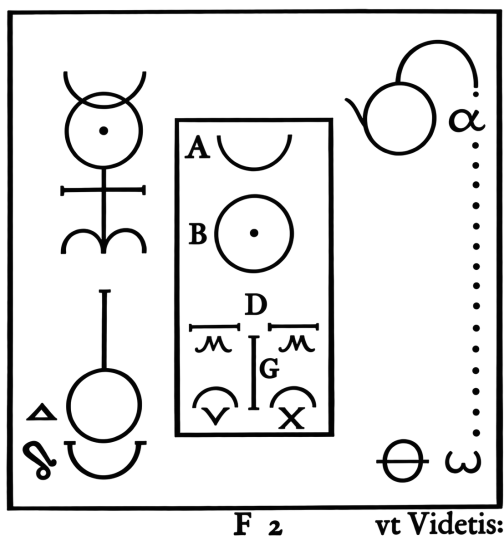

ТЕОР. XXII.

Что тайны нашей МОНАДЫ ещё не исчерпаны, станет легко ясно, если я теперь представлю на обозрение Вашей Королевской Светлости некоторые более сокровенные сосуды СВЯТОГО ИСКУССТВА (вполне каббалистические), которые должны открываться лишь посвящённым, осторожно взятые из мастерской той же МОНАДЫ. Итак, когда весь СВЯЗУЮЩИЙ УЗЕЛ нашей МОНАДЫ мудро РАЗРЕШЁН, добавим к отдельным частям (для различения) буквенные обозначения, как вы здесь видите сделанным. Итак, указываем, что α есть некий искусственный сосуд, сделанный из А и В, причём (общим для обеих и уже явленным ПОЛУДИАМЕТРОМ) именно самой М; и что эта буква отличается от первой буквы греческого алфавита одним лишь местным метатезисом частей, как вы видите. Ибо из прямой, круга и полукруга мы первыми теперь учим истинной и мистической её симметрии (хотя выше мы уже напомнили, что из круга и полукруга может быть образована та же самая; однако всё сводится к одному и тому же

мистическому замыслу). А λ и δ — во-первых, как бы изображения иных сосудов (λ — СТЕКЛЯННОГО, δ же — глиняного). Но, во-вторых, λ и δ могут напомнить нам о некоем пестике и ступке, которые следует приготовить из (поистине) такого материала, чтобы ими растирать в тончайшие порошки искусственные нерассверленные жемчужины, хрустальные и бериллиевые пластинки, хризолиты, затем драгоценные рубины, карбункулы и другие редчайшие искусственные камни. Наконец, то, что вы видите отмеченным буквой ω , есть сосудец, преисполненный тайн; и от самой последней буквы греческого алфавита (ныне возвращённой к своему первоначально установленному мистагогическому смыслу) он отличается лишь явным местным метатезисом частей; и она тоже состоит из двух полукругов. Об обычных же необходимых сосудах — как об их формах, так и о материалах, из которых их следует делать, — нет нужды говорить в этом месте. Однако следует учесть, что α , дабы исполнить свою службу, пользуется случаем благодаря сокровеннейшему и кратчайшему устройству отдушины; и (המלך המורִי) он выведет для новичков ДЕЛА самый быстрый первоначальный образец, пока тем временем для них не станет

известен более искусный путь приготовления БОЛЕЕ ТОНКОГО. Но в λ, стеклянном (при исполнении главной своей службы), всякий внешний воздух и ветер принёс бы большой вред.

ω же есть ЧЕЛОВЕК ВСЕХ ЧАСОВ:

Следствие.

Священного Искусства, кто же теперь не может учуять сладчайшие и целебнейшие плоды, рождающиеся хотя бы из тайны только этих двух букв? Некоторые из них, как бы в зеркале для обозрения, мы подведём немного ближе из наших

САДОВ ГЕСПЕРИД, не выдвигая ничего вне нашей МОНАДЫ. Ведь сама прямая линия, что является в Альфе, подобна той части Креста из последней анатомии, которая обозначена буквой М; и остальное тоже может стать ясно оттуда, откуда оно сюда приходит.

	Existens ante Elementa.	Adam Mortalis Mafculus & Fœmina.	Mortificans	Adumbratus.	Natus in Stabulo.
	Elemētariſ economia.	Elementaliſ Genealogic Confumatio.	Crux.	Crux.	Holocauftum in Cruce
	Existens poſt Elementa.	A D A M I M M O R T A L I S.	Vivificans.	Maniſteſtifiſmus.	Rēx Rēgum Ubique.
Conceptuſ Singulari Influentia.	Potentiaſ Semen.	Creatio Hyleſ.	Matrimonium Tetrefec.	Principium	
Paffuſ & Sepultuſ.	המורה Virus Denaria.	Depuratio Elementalīſ.	Cruciſ Martyriū.	Medium.	
Refurgens, propria virtute.	Gloriaſ Triumphuſ.	Transformatio.	Matrimonium Divinum.	Finis,	

Этим немногим я, знаю, даю не только *поводы* но и доказательства тем, в ком внутри живёт и разгорается огненная сила и небесное начало, чтобы они теперь легко внимали великому Демокриту, Судьбы предрекающему *течение, дающее желающим верно поступать избавление от всякого труда*, что не *глупость* это учение, но Таинство и Тайна; как и тому, кто утверждал, что

Словом-Демиургом устрояется мир, дабы
богомысленный и богорождённый человек через
истинное делание научился и богословским, и
мистическим словам.

ТЕОР. XXIII.

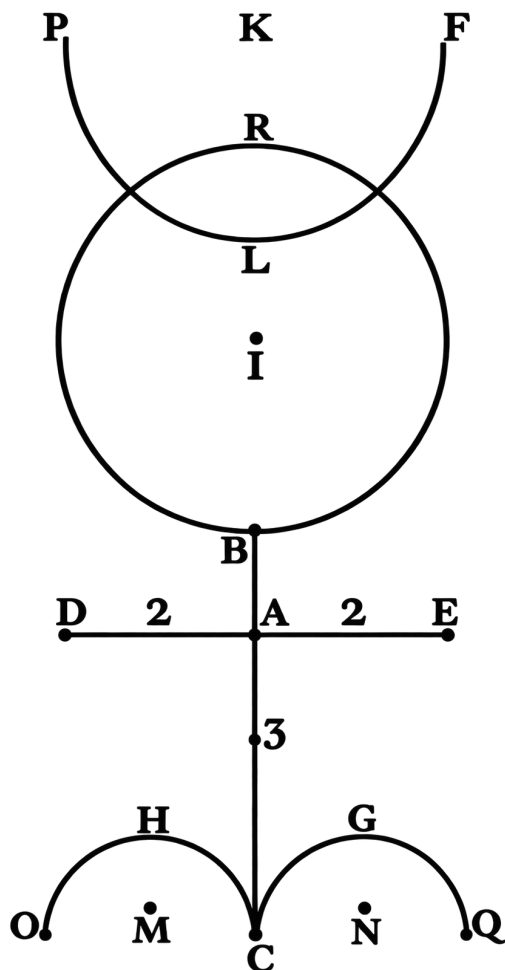
Симметрии, уже наблюдённые нами в иероглифическом построении нашей МОНАДЫ и которые будет приятно соблюдать тем, кто пожелает носить её на перстнях или печатях или иначе иметь при себе, мы здесь представляем тщательно записанными. Во имя ИИСУСА ХРИСТА, за нас пригвождённого к КРЕСТУ (Чьего Духа быстро пишущего через меня это, я и желаю, и надеюсь быть лишь пером), от нашего КРЕСТА ЭЛЕМЕНТОВ мы теперь возьмём все эти меры. И притом по такому основанию (сообразно предмету предложенного довода): под небом ЛУНЫ всё, что берёт начало своего рождения, либо сложено из ЧЕТЫРЁХ элементов, либо само есть элементарная СУЩНОСТЬ; и это разными способами, не общеизвестными. И поскольку ни в одной сотворённой вещи элементы не находятся в равной пропорции или силе, но искусством в некоторых вещах (как знают Мудрые) могут быть приведены к

равенству, — в нашем КРЕСТЕ мы устанавливаем части равные и неравные. Что по иному основанию мы можем назвать тем же самым и различным, или единым и многим: допуская в тайне свойство равностороннего КРЕСТА (как мы напомнили выше). Но если бы мы привели здесь по отдельности основания (которые мы знаем) положенных здесь СИММЕТРИЙ или иначе, чем (для Мудрых) более чем достаточно мы сделали во всём сочинении, стали бы показывать причины, мы переступили бы пределы нашего замысла, не безрассудно нам предписанные.

Взяв на плоскости некоторую точку, например А, проведём через неё в обе стороны достаточно длинную прямую; пусть это будет С, А, К. И к линии К, С из точки А восставим перпендикуляр, продолженный в обе стороны до достаточной длины (в бесконечность, любят говорить геометры, хорошо предупреждая неудобства); пусть он будет D А Е. Теперь на А К возьмём точку, где угодно; пусть это будет В. Приняв сначала А, В (то есть общую меру нашего труда), возьмём её утроенную от А к С и положим, что это А С. Удвоенной А В пусть будет А Е. И удвоенной А В пусть будет А D. Так что вся D Е будет учетверённой А В. Так мы составили наш

КРЕСТ ЭЛЕМЕНТОВ из AB , AC , AD и AE , то есть из ЧЕТВЕРИЦЫ линий. Теперь от BK отсечём прямую, равную AD ; пусть это будет BI . Центром I и радиусом IB опишем круг; пусть это будет BR , пересекающий прямую AK в точке R . От точки R к K отсечём прямую, равную AB ; пусть это будет RK . К точке K проведём в обе стороны (под прямыми углами к самой AK) прямую достаточной длины; пусть это будет PKF . От самой точки K к F отсечём прямую, равную AD ; пусть это будет KF . Затем центром K и радиусом KF опишем полукруг FLP , так что FKP будет его диаметром. Наконец, в точке C к прямой AC проведём перпендикуляр, в обе стороны продолженный на достаточную длину; пусть это будет OEQ . Затем от линии CO и к точке C возьмём прямую, равную линии AB ; пусть это будет CM . Центром M и промежутком MC опишем полукруг CHQ , диаметром которого будет CMO . И, наконец, подобным же образом от прямой CQ и к точке C отсечём линию, равную AB ; пусть это будет CN . Итак, центром N и длиной NC сделаем полукруг CGQ , диаметром которого будет CNQ .

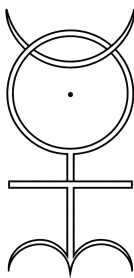
Теперь мы утверждаем, что все потребные СИММЕТРИИ в нашей МОНАДЕ объяснены и описаны.

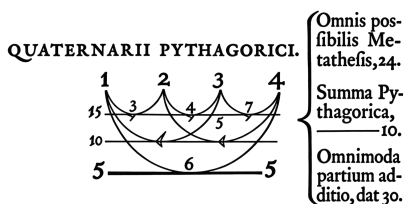
Механику, однако, угодно напомнить: вся линия С,К содержит девять таких частей, какие в нашей ОСНОВНОЙ линии А В составляют одну. Поэтому он может подойти к завершению этого же труда и иным путём. Далее, все диаметры и полудиаметры

должны быть здесь обозначены тёмными (как выражаются механики) линиями. И не следует оставлять никакого видимого ЦЕНТРА, кроме Солнечного центра, который здесь виден помеченным буквой I. И никаких букв добавлять не нужно. Затем, для украшения (а не по какой-либо мистической необходимости, которую мы по этому основанию теперь не рассматриваем), механик может придать окружности Солнца поверхностную ширину (проведя внутри одну параллель). (Расстояние же между параллелями может составлять четвертую или пятую часть A, B или около того.) Лунной же окружности придать тот облик, какой обычно первым является на небе после её соединения с Солнцем, а именно весьма рогатый. Это получится, если от точки K к R взять ту четвертую или пятую часть линии A, B (о которой мы сказали), и на конце этой линии как на центре, лунным же полудиаметром, провести эту вторую часть окружности до чистого касания обоих концов прежнего полукруга. Нечто подобное можно сделать и у точек M и N: восставив там перпендикуляры, на которых взять шестую часть A B или меньше; где, сделав центр, прежними же полудиаметрами M, C и N, C проведём снаружи эти вторые как бы полукруги. Наконец, вдоль самих

прямых нашего Креста можно в обе стороны провести параллели, отстоящие от средних на восьмую или десятую часть А,В; так что наш КРЕСТ по этому основанию составитсЯ из ЧЕТЫРЁХ поверхностей, как бы линий, ширина которых будет четвёртой или пятой частью прямой А В. Эти украшения я пожелал так или иначе наметить в приложенной фигуре. Всё это каждый может делать по своему разумению, лишь бы при этом нашим мистическим СИММЕТРИЯМ не было нанесено никакого (или хотя бы малейшего) ущерба; чтобы по такой небрежности с течением времени не нарушились эти истинные (и в высшей степени необходимые) иероглифические соизмерения и не погибла новая наука, куда более обширная и великая, чем та, какую мы смогли или пожелали изложить в этой книжечке. Как Дочь Времени, по воле БОГА, научит ИСТИНА.

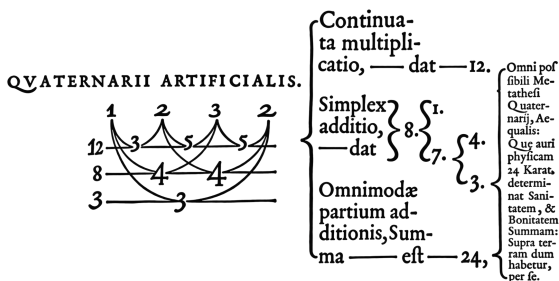

Но то, что может оказаться доступным каждому, кто упражняется в этих симметриях нашей МОНАДЫ, мы теперь методично представим вашему взору. Начиная сперва с ЧЕТВЕРИЦЫ линий нашего КРЕСТА, в том отношении, в каком всякий может просто сказать, что линий ЧЕТЫРЕ. Затем о ЧЕТВЕРИЦЕ тех же линий, поскольку они иным образом имеют особое и мистическое разделение и основание. В-третьих, на некоторых примерах покажем, что числами, которые мы искусно извлекли здесь или из других теорий по всей книжечке, Богом в ПРИРОДЕ предназначены некие полезные службы; и прочее вставим в подходящих местах, что при правильном понимании принесёт немалый плод. И всё это мы завершим предельно кратко.

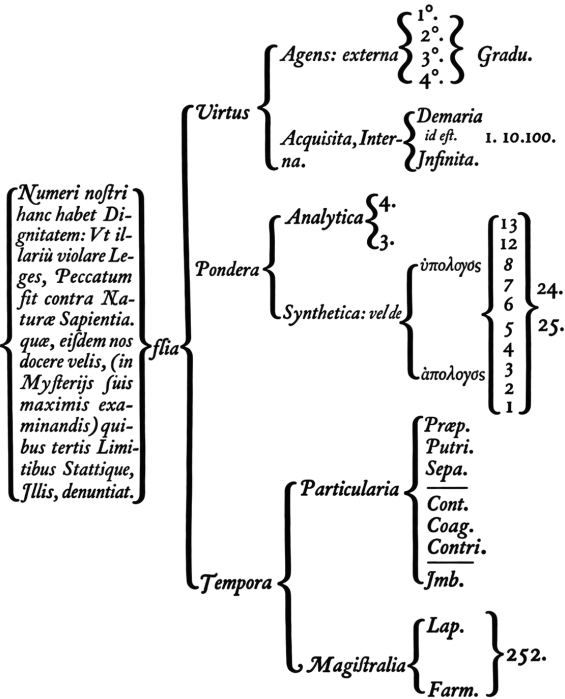
Наш канон метатезиса.

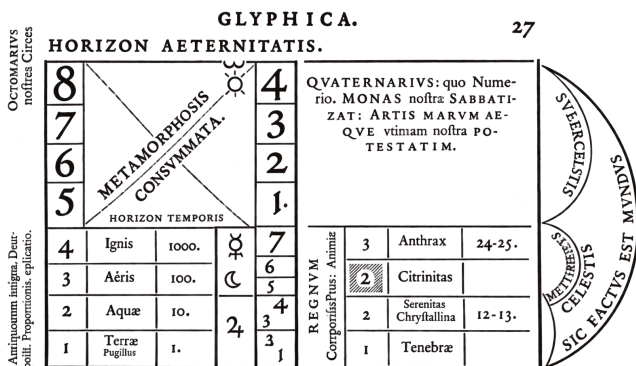
В естественном порядке, начиная от Первой Монады, выписав сколько угодно чисел: если от первого до последнего произвести непрерывное умножение — первого на второе, полученное на третье, и это произведение на четвёртое, и подобным же образом до последнего, — то последнее произведение определяет всякий возможный метатезис в этих стольких местах. И по такому же основанию во всяких стольких разных вещах. Эту операцию я весьма рекомендую тебе, (О КОРОЛЬ): она в высшей степени полезна и при всяком исследовании природы, и в прочих делах государства. Ею я с величайшим удовольствием обычно пользуюсь в еврейском Цируф (или Тмура).

Мне, конечно, хорошо известно, что из арифметической силы и ФОРМАЛЬНОСТИ ЧЕТВЕРИЦЫ могло быть выведено на свет

множество иных чисел. Но кто не заметил бы, что ЭТИМИ числами великолепно разъясняется и проясняется тьма природы, тот от их большего множества чувствовал бы, что ум его притупляется, а не оттачивается. Итак, сколько силы заключено в наших числах (КАК мы обещали) для ВЗВЕШИВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ, для определения МЕР ВРЕМЁН, наконец, для предписания вещам определённых СТЕПЕНЕЙ могущества и силы, мы предлагаем взвесить по следующим схемам.

Из этих схем можно извлечь больше (если рассмотреть их глубже), чем прилично выражать открытыми словами. Однако из всего прочего мы отмечаем одно особо (нами же первыми обнародованное вместе со всем этим новым искусством): здесь выставлено основание, по которому ЧЕТВЕРИЦА или ДЕСЯТКА кладёт некий предел счёту; и мы утверждаем, что причина, приведённая нашими предками, не была совершенной и точной, а вот эта, которую мы сейчас изложим.

После того как эта МОНАДА полностью, целиком и физически восстановлена в себе (тогда она есть МОНАДА, ЕДИНЕЙШАЯ и признанная магами ЕДИНИЦЕЙ), ни во власти ПРИРОДЫ, ни какого-либо ИСКУССТВА нет побуждать ЕЁ чаще чем четыре

раза, через сверхнебесные обращения, к какому-либо продвижению или ДВИЖЕНИЮ. (И отсюда порождается тот,

» которого мы, ради его превосходства, хотим обозначать так,)

» И это по той причине, что ни в стихийном мире,

» ни в небесном, ни в СВЕРХНЕБЕСНОМ нет никакой

» СОТВОРЁННОЙ ВЛИЯЮЩЕЙ силы, которая

» тогда не была бы наиболее совершенно наделена и одарена.

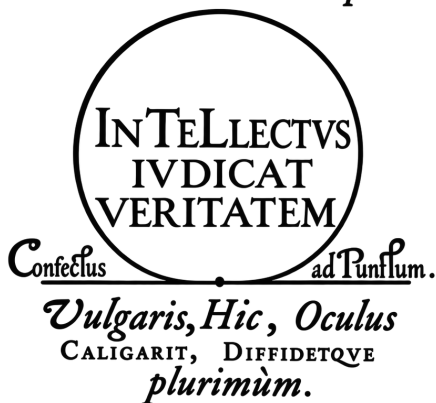
Истинное действие этого некогда достигли на деле одновременно ЧЕТВЕРО философствовавших славнейших мужей; потому, долго пребывая в изумлении от величайшего чуда этого дела, они наконец всецело обратились к воспеванию и провозглашению хвалы Бога Всеблагого и Всевышнего, Который по этой причине даровал им столь великую мудрость и над прочими СОЗДАНИЯМИ обширнейшую власть и владычество.

ТЕОР. XXIV.

Как начало этой нашей книжечки мы положили от Точки, Прямой и Круга, и так из нашей МОНАДИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЛИНЕЙНОЕ крайнее истечение наших ЭЛЕМЕНТОВ описали по кругу, почти аналогичному самому Экватору, который совершает свой оборот за 24 часа, ТАК теперь наконец ВСЕСТОРОННИЙ МЕТАТЕЗИС ЧЕТВЕРИЦЫ (определённый числом 24) и МЕТАМОРФОЗУ мы завершим и закончим этой нашей двадцать ЧЕТВЁРТОЙ теорией: К ЧЕСТИ И СЛАВЕ Того, КТО (по свидетельству Иоанна, архипредстоятеля Божественных тайн, в ЧЕТВЁРТОЙ части ЧЕТВЁРТОЙ главы Апокалипсиса, и ПОСЛЕДНЕЙ) сидит на Престоле; вокруг и посреди Которого ЧЕТЫРЕ животных (каждое имеющее ШЕСТЬ КРЫЛЬЕВ) неустанно ДНЁМ и НОЧЬЮ говорят: Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, КОТОРЫЙ был, И КОТОРЫЙ есть, И КОТОРЫЙ грядёт; КОТОРОМУ также 24 СТАРЦА, с 24 седалищ, поставленных вокруг, падая ниц (СНЯВ СВОИ ЗОЛОТЫЕ ВЕНЦЫ), поклоняются, говоря: Достоин Ты, Господи, принять СЛАВУ и ЧЕСТЬ и СИЛУ: ИБО ТЫ СОТВОРИЛ ВСЁ, и по ВОЛЕ ТВОЕЙ ОНО ЕСТЬ И СОТВОРЕНО. АМИНЬ, ГОВОРИТ ЧЕТВЁРТАЯ БУКВА, Δ:

*Cui, D E V S, Voluntatem Ha-
bilitatemque dedit, Diuinum
hoc Myſterium, aternis Sic con-
ſignare Literarum Monimen-
tis : Laboresq, hoſce Suos, pla-
cidiffimè abſoluere, Ianna-
rij 25: die eiſdem 13,
Incboatos:*

An. 1 5 6 4. Antwerpia.

АНТВЕРПЕН ОТПЕЧАТАЛ ГИЛЬОМ СИЛЬВИЙ,
КОРОЛЕВСКИЙ ТИПОГРАФ, НАКАНУНЕ
АПРЕЛЬСКИХ КАЛЕНД, В ГОДУ 1564.

SYPERCAELESTES
MORTIS AQVAS

ET TERRA RACANAE
DABAS VIAS